

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология,
Контексты культуры
и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

Редколлегия:

А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
 Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
 Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
 Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
 Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
 Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
 З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
 Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
 С.М. Лясевич – кандидат филологических наук;
 С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
 М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
 Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
 И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:

кандидат филологических наук, профессор,
 заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
 кандидат филологических наук, доцент,
 заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
 ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

АЛЬТЕРНАТИВА АПОКАЛИПСИСУ В РОМАНЕ Л. ЛЕОНОВА «ПИРАМИДА»

В.В. Здольников

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, (Беларусь)

«Настоящая мудрость состоит в том, чтобы, признавая права разума в теории, как можно меньше доверять ему на практике».

В. Соловьёв¹

В современной мировой литературе тема войн и разнообразных катастроф обрела уже статус одной из «вечных тем». Сохраняя пока ещё сюжетно-локальный характер, она в то же время расширяется в своём эсхатологическом пафосе до вселенского масштаба. И уже прочно ассоциируется с понятием конца света и отдельное название получила – апокалипсис. Хотя слово это в первоначальном семантическом смысле означает всего лишь «откровение», но под воздействием, видимо, евангельского «Откровения Иоанна Богослова» стало синонимом конца света, или катастрофы, или, мягче, Судного дня, когда седьмой ангел выльет чашу гнева Божьего «на все грады и народы». И всё же, по Иоанну Богослову, это будет не совсем конец света в смысле исчезновения рода человеческого и им обетованной планеты. Творец и сохранит Землю пригодной для жизни, и найдёт достойных жить на ней даже после второго поттопа. Правда, таких «запечатлённых» будет совсем мало: «сто сорок четыре тысячи из всех колен Израилевых»². Как видим, в библейской мифологии и после Судного дня шанс для спасения человека как биологического вида и среды его обитания оставлен. В художественной литературе, когда она обращается к этой «вечной теме», оптимизма гораздо меньше; а по мере лавинного почти прогресса цивилизации, особенно в XX веке, он стремится к нулевой отметке.

В философском романе «Пирамида» (1994) классика русской советской литературы XX века Л. Леонова, венчающем его 70-летний творческий труд, тема грядущей судьбы земной цивилизации доведена до границы глобальной катастрофы, но разработана она весьма оригинально, особенно в той части, где говорится о породивших её причинах.

В художественной структуре романа тема эта содержательно и композиционно связана с одним из десяти основных персонажей – студентом Никанором Шаминым, который под руководством профессора Шатаницкого бредёт в дебрях модной науки футурологии. В романе ему поручена роль евангельского Иоанна Богослова, но пророчествует он уже в XX веке, опираясь на трёхтысячелетний исторический опыт земной цивилизации, и с присущим только молодости бесстрашием, т.е. искренне, без всякого лукавства, пристрастия, без смысловых подтекстов – словом, как истинный учёный.

Историю развития современной цивилизации начинает он издавека, ещё с тех времён, когда люди, пользуясь украденным у богов огнём, положили начало «необузданной деятельности разума», именуемой теоретиками прогресса то «шествием к звёздам», то «штормом неба», то «восхождением на гору». Все силы разума были сконцентрированы «на выяснении секретов природы», имевшем целью всё более полное удовлетворение материальных потребностей жизни. Наряду с какими-то полезными вещами от познания тайн Творца обозначился в этом процессе и побочный результат, мало заметный пока ещё и потому не вызывающий тревоги у большинства. Начиналась атрофия того чувства бессмертия, которое «в самой ничтожной примеси к хлебу, стали и бетону упрочняло сооружения нашей цивилизации во времени»³.

В беспечном полёте своей взыскующей истины мысли «жрецы Разума развенчивали самые священные табу»; «техническое могущество, не уравновешенное равновеликими моральными ценностями», также ускоряло духовную деградацию. А между тем «вездесущие машины массового внушения» (так Шамин называет все современные – от печатных до электронных – средства массовой информации) твердили доверчивой рядовой массе, что это и есть неостановимая поступь прогресса, неуклонное восхождение человечества на гору, где, кстати, согласно мифам многих народов, обитают только боги. В итоге «бесконечно нищее в своём материальном избытке» человечество уже «не восходило, а тащилось на гору... Вот только неведомо – зачем»⁴. И лишённая духовного смысла своего движения земная цивилизация приблизилась вплотную к финалу своей истории. Когда, «благодаря триумфам передовой науки» (читай – ядерной физики) было изобретено и впервые на практике использовано «новое гуманное средство войны – без боли и крови». Пока земной пророк Никанор Шамин просто констатирует состоявшиеся уже события, за пределы реальности не выходит. А вот финальный этап его варианта Апокалипсиса действительно пророческий имеет характер и, естественно, несёт в себе элементы фантастические, но какие-то правдоподобные до мороза по коже. «Сорвавшийся с графитового ошейника уран» совместно с непомерно разросшейся «гордыней первооткрывателей тайн и покорителей природы», с прочими «расшалившимися стихиями» превратил Землю в непригодную для продолжения бытия пустыню, в

громадную коллективную могилу человечества. Посетившие Землю позже другие разумные существа из Вселенной обнаружили на ней лишь «сохранившийся деревянный памятник» в виде столба с прибитой к нему фанеркой, на которой была «намалёвана надпись: «Здесь сотлевают земные боги, раздавленные собственным могуществом»⁵.

Ужас такого финала сам футуролог при всём его учёном бесстрашии прикрывает горькой иронией. А уж на его слушателя (а это Повествователь в романе) от подобного пророчества повеяло «заправской учёной жутью». Он усомнился в таком финале земной цивилизации и даже упрекнул неопита футурологии в чрезмерном пессимизме. Тот ничуть не смутился: скорей всего и сам сомневался в подобном прогнозе. И предлагает второй вариант движения цивилизации, но не к последнему рубежу, не к собственной гибели.

Отстаивая свою привилегию именоваться благодетелями человечества и слыть единственным двигателем прогресса, «жрецы разума», «учёная знать» подбрасывают на алтарь познания всё больше и больше якобы судьбоносных проблем под благовидными предложениями: «поиска большой пищи для стремительно растущей численности населения Земли», «победы над болезнями», «улучшения человеческой природы»⁶ и т.д. Когда-то их вмешательство в физический микромир привело к освобождению колоссальной энергии атомного ядра, которую пока сдерживает «графитовый ошейник». Их новые открытия Шамин называет «самыми трагическими», поскольку связаны с вмешательством в биологический микромир: он имеет в виду генетику и связанные с ней биотехнологии. Здесь страждущее любопытство учёных, их жажда проникнуть в тайны Творца ставят на грань жизни человечество как биологический вид. Беспереборное вмешательство в «извечную биологическую настройку бытия», в «прежнее физиологическое разнообразие» под предложениями «гармоничной стандартности вида», «единого для всех эталона счастья» – такова перспектива дальнейшего движения цивилизации. Конечно, оно вроде лучше, чем стогреть в атомном Апокалипсисе. Но предвидение именно такого развития событий и пробудило, наконец, у человека атавистический инстинкт самосохранения. Потому что на этом векторе движения цивилизации нет сдерживающих факторов вроде «уранового ошейника» для вышедшего из-под контроля атома. А морально-этические табу, сохранение вечных традиционных ценностей для «учёных волхвов» – всего лишь покушение на свободу мысли, запрет на поиск истины, на исправление якобы ошибок природы: они, как правило, не озабочены практически негативными последствиями их, пусть даже гениальных, открытий. Вот где, считает футуролог, причины «странного мятежа», который «профаны» подняли против учёных мужей, возомнивших себя благодетелями человечества и локомотивами цивилизации, мятежа, лишившего науку и технику «ореола неприкосновенной святости». Но это был, по Шамину, не безмысленный бунт черни, чреватый откатом назад, к варварству: «совершалось великое возвращение назад», под «материнское крыло природы», «на колени Бога»⁷. А с точки зрения апологетов прогресса, якобы во всём и всегда благодетельного, а потому и не подлежащего спасительному регулированию, подобное возвращение почему-то – непременно путь к вырождению. Но взошедший однажды на гору человек уж никогда не деградирует, даже если и покинет её да ещё добровольно. Он вернётся к матери-природе, умудрённый собственным негативным опытом, к Богу – в смиренном покаянии. Что же здесь от вырождения, от деградации? Но именно так видит тему «конца света» в романе критик Д. Быков, назвав свою статью «Певец Апокалипсиса».

Второй вариант развития земной цивилизации, изложенный в романе футурологом, не несёт в себе ничего эсхатологического: сработал первобытный инстинкт самосохранения, и человек, смилив свою гордыню повелителя Вселенной, вернулся в объятия матери-природы. Это не апокалипсис в общепринятом понимании, а спасительный «спуск с горы», где человечество в гордыне своей стремилось сравниться с богами. Так в романе Леонова «вечная тема» приобрела глобальный размах, но художественно интерпретирована в оптимистическом ключе.

Нельзя, разумеется, напрямую соотносить автора с его персонажем. Но в данном случае не будет большой натяжкой утверждать, что писатель приемлет второй вариант будущего цивилизации, излагаемый Шаминым, и стало быть оправдывает низведение науки с культовых высот вследствие бунта «профанов», с пьедестала непогрешимости и святости, куда её поместил Разум. И тогда вроде и правомерен упрёк писателю за игнорирование роли науки и техники в деле прогресса. Не помышляя выступать в роли адвоката, заметим только, что русский писатель подошёл нетрадиционно к традиционной теме. У него «вечная тема» конца света причинно не связывается с кознями против Творца его непримиримого антагониста – хозяина преисподней или извечного противостояния неких абстрактных сил Добра и Зла. Сам прогресс работает по принципу бумеранга. Все зигзаги и ухабы, ямы и провалы на его пути, его самоубийственные для человечества последствия – результат «ненасытной и бессовестной любознательности алхимиков людского блага». Леонов не враг разума и его детища – науки и техники, он только отказывает им в культовом поклонении, снимает с них белоснежные жреческие одежды. Эта тема художественно разработана у Леонова как альтернативный апокалипсису вариант, не несущий в себе эсхатологического пафоса. Он не певец «конца света», как ничтоже сумняшеся заявляет критик Д. Быков; он –

истинный мудрец, следующий правилу, сформулированному ещё в XIX веке русским философом В. Соловьёвым, чья мысль послужила эпиграфом к нашему докладу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Александрова, Г. «...И поглядим, как смертный бой кипит» / Г. Александрова // Наш современник – 2014. – № 3. – С. 279.

² Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. – М., 1994. – С. 291.

³ Леонов, Л.М. Пирамида / Л.М. Пирамида. – М., 1994. – Кн. 2. – С. 303.

⁴ Там же. – С. 313.

⁵ Там же. – С. 330.

⁶ Там же. – С. 333.

⁷ Там же. – С. 340.

«ПРАКТИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКАЯ» ФАНТАСТИКА В.Ф. ОДОЕВСКОГО

В.В. Шумко

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Беларусь

В статье раскрываются некоторые теоретические аспекты эволюции романтической фантастики 1820–1840-х годов применительно к творчеству В.Ф. Одоевского. Анализ фантастических произведений романтика предвдывает построение модели развития фантастики указанного периода. В основе такой модели автор статьи предлагает теорию «эволюционных волн» романтической фантастики. Далее указывается на особую составляющую творчества В.Ф. Одоевского – «практическо-философскую» направленность. Анализ всех этапов творчества романтика приводит к закономерному выводу о некорректности отнесения писателя к научным фантастам. В цикле «Пестрые сказки» В.Ф. Одоевский создает фантастические повести, условно относимые к романтической фантастике. В «таинственных повестях» писатель сближает мир реальный и волшебный, а на заключительном этапе творчества утверждает их органическое единство. Эксперименты В.Ф. Одоевского с жанром утопии в итоге реализовываются в создании особой ее разновидности – «научная утопия».

В.Ф. Одоевский является в русской литературе родоначальником жанра научной фантастики, парадоксально не создав, в строгом смысле этого термина, ни одного научно-фантастического произведения. Более того, автор всячески уходил от слов «чудесный», «потусторонний» применительно к своему творчеству, поскольку понимал его как особый, «практический», т.е. реальный этап развития русской литературы. Тем не менее, в процессе поиска такой литературы будущего, были сформированы основополагающие принципы, что были использованы позднее научной фантастикой. Подобное противоречие легко разрешается изучением творчества В.Ф. Одоевского как составной части романтической фантастики.

Нашей задачей стало исследование своеобразия фантастического творчества В.Ф. Одоевского в контексте общего развития фантастической литературы 1820–1840-х годов.

Методы исследований. Теоретической и методологической базой данной работы стали литературоведческие труды Р.И. Альбетковой, Е.Н. Ковтун, Б.С. Мейлаха, Е.М. Неелова, И.В. Семибратовой, И.А. Тихонова, М.Б. Храпченко, Т.А. Чебанюк. Методы исследования: сравнительный, конкретно-исторический и типологический методы. Объектом исследования стали фантастические произведения В.Ф. Одоевского. Предметом исследования стало формирование особой разновидности романтической фантастической повести – «практическо-философской» фантастики.

Результаты и их обсуждение.

В качестве доминанты классификации разнородных фантастических повестей 1820–1840-х годов, мы предлагаем концепцию «эволюционных волн». Этот термин дает возможность самостоятельного подхода в трактовке творчества отдельных авторов и снимает существующие противоречия в определении границ отдельных этапов. В основе понятия «эволюционных волн» лежит принцип кардинального изменения черт романтических фантастических повестей в ходе освоения фантастического жанра. Подробнее об этом предлагаем ознакомиться в соответствующем курсе лекций автора, где присутствует подробная библиография как раз теоретической литературы [1].

«Первая волна» фантастических повестей (К.С. Аксаков, А.А. Бестужев-Марлинский, А.Ф. Вельтман, М.Н. Загоскин, И.В. Киреевский, М.Ю. Лермонтов, В.Ф. Одоевский, А. Погорельский, Н.А. Полевой, О.М. Сомов, В.П. Титов) начинается с 1825-го года единственной фантастической повестью А. Погорельского (А.А. Перовского) «Лафертовская маковница». Повесть заложила основу для первой разно-